Сказка для взрослых, или

О роли носков в размножении человеков

Лена Кроу

Лена Кроу

Сказка для взрослых, или О роли носков в размножении человеков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68432947
SelfPub; 2023

Аннотация

У вас хоть раз пропадал один носок из пары? А случалось ли такое, что ещё вчера едва-едва потёртые носки наутро внезапно оказывались «с вентиляцией», причём и на пятке, и на большом пальце разом? Что это? Пресловутый «закон подлости»? Злой рок? Восстание пылесосов и стиральных машин? А вот и нет! Всё гораздо интереснее…

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 13
Глава 3 17
Глава 4 24
Глава 5 30
Глава 6 37
Глава 7 42

Лена Кроу
Сказка для взрослых, или О роли носков в размножении человеков

Глава 1

Жутенька был обычным.

Во всяком случае, считал он себя самым обычным носкоедом. Таким же, как мама и папа. Хотя, по правде сказать, от дедушки Ужастя ему хотелось бы отличаться. Но, как говаривала Гришкина бабушка: «Кровь не водица…» Да и мама рассказывала, что в юности дед Ужасть совсем не вонял шерстью и даже сам когда-то баловался синтетикой. Это теперь он только и делал, что ругал какое-то «правительство», обвиняя его в том, что нынче днём с огнём не сыщешь хороших длинных носков из чистого хлопка, везде, мол, эти вредные добавки: то акрил, то полиэстер – а ещё от моли спасу никакого, все продовольственные запасы сжирает…

– Хватит пичкать ребёнка синтетикой, его будет пучить! – орал он на маму с папой, когда вместе с Гришкиным дедом приезжал в гости на несколько дней.

А Жутеньку совсем и не пучило! Он любил пожевать синтетику…

Впрочем, Гришкин дед Митя порой казался Жутеньке братом-близнецом дедушки Ужастя. Он тоже вонял… всяким. То мазью для спины, то вообще чесноком! Бу-э! И «правительство» ругал не меньше. Правда, он-то считал, что вредные добавки это зловредное «правительство» пихает не только в носки, но и в другие – ихние, человекины – продукты. И запрещал Гришке жевать «Дирол». А Гришка всё равно украдкой жевал. И Жутенька тоже от пяточки акрилового носка отказаться ну никак не мог. Её же можно жевать часами!

В общем, Жутенька был обычным носкоедом, очень любил маму с папой и Гришку… и Гришкиных маму с папой. И Гришкины носки. А иногда, по праздникам, ещё и Гришкины варежки. С Гришкой ему вообще повезло! Лучше Гришки друга и представить нельзя. Гришка всегда оставлял для Жутеньки что-нибудь вкусненькое под диваном.

И лишь однажды случилось у них недопонимание.

Было им тогда по девять лет. Гришка решил, что хочет заниматься каким-то «фут-бол-ом», и его мама с папой купили ему новенькую одежду для этого самого «фут-бо-ла». А среди той одежды были… гетры! Длинные, яркие, с приятной такой выработкой! Жутенька как увидел, так сразу слюнки потекли.

Нет, он помнил, что мама всегда говорила:

– Умный и ответственный носкоед делает всё, чтобы у его человека всегда были новые носки, чистые и без потёртостей. Это, – говорила мама, – очень важно для полноценной и счастливой жизни человека и особенно для его размножения! А счастливый и вовремя размножающийся человек – гарантия завтрашнего дня для носкоеда. Вот почему умный носкоед никогда не трогает новые, недозревшие носки и бережно относится к имеющимся ресурсам!

Жутенька тогда ещё ничего не понимал ни про ресурсы, ни про размножение, да и не хотел он пока, чтобы Гришка размножался (зачем ему много Гришек?), но уяснил: ни разу не надёванные носки трогать нельзя! Умные и ответственные носкоеды так не делают. Почему не делают, непонятно… но маму он привык слушаться.

Поэтому на появившиеся в Гришкином ящике гетры Жутенька облизывался, мечтал о них, но дисциплинированно не трогал. Ждал, когда дозреют!

А потом как-то вечером Гришка пришёл домой очень расстроенный, забросил в угол сумку, зло ударил ногой в боковинку дивана, закричал и заплакал. Жутенька испугался и забился в самый дальний угол шкафа. Он слышал, как пришёл Гришкин папа, и как Гришка, обиженно шмыгая носом, рассказывал, что они проиграли в «фут-бол» из-за какого-то глупого «вра-та-ря» Федьки и из-за того, что за другую «ко-ман-ду» играл совсем уже взрослый Витька Емельянов, и что

это всё было нечестно… И играть в «фут-бол» Гришка больше не будет! Никогда-никогда!

Гришкин папа тоже очень расстроился и сказал:

– Жаль. Придётся тогда отдать твою здоровскую форму Андрюше с первого этажа, чтобы не пропала зря…

И Гришка, к совершеннейшему ужасу Жутеньки, обиженно заявил:

– Вот и отдай!

Гришкин папа вздохнул и предложил сходить за пиццей. Гришка пару минут думал, и Жутенька весь извёлся, боясь, что он откажется и захочет прямо сейчас отдать этому «Андрюше с первого этажа» свои волшебные, почти что новенькие гетры… но в конце концов Гришка согласился и ушёл вместе с папой.

Действовал Жутенька очень осторожно. Сперва тихонечко забрался в брошенную в углу сумку, отыскал гетры и аккуратно затащил их поглубже под диван. Потом ждал. Долго! Целых три длиннющих дня! Видел, как Гришкина мама забрала сумку и унесла (наверняка, чтобы отдать «Андрюше с первого этажа»!). И только потом не выдержал и самую малость попробовал одну гетру в любимом месте – на пяточке.

О-о-о! Какой же она оказалась вкусной! Жутенька едва не застонал от удовольствия! Ниточки мягко поскрипывали и будто бы таяли в Жутенькиных зубках…

И надо же было такому случиться, что именно в тот момент прибежал Гришка… и начал искать свои гетры. Жу-

тенька насилу успел сгрести добычу в кучу и, пока Гришка рылся в шкафу, просочиться в вентиляцию под напольные доски… Чтобы тут же напороться на мрачно посверкивающего глазами из-под кустистых бровей домового дядю Буку.

– Отдай носки! – дядя Бука протянул к Жутеньке загребущую ладошку. – Гришка их ищет. Сейчас начнёт с меня требовать. А я и не брал.

Жутенька обнял гетры покрепче и решительно замотал головой.

– Это не носки! – пискнул он. – Это гетры!

И тут сверху донёсся Гришкин умоляющий голос:

– Домовой, домовой, поиграл и отдай!

– О! Слышал? – дядя Бука поднял палец и, кажется, ещё сильнее распушил брови. – Всё, кирдык! Отдай носки!

Отдавать очень не хотелось, но дядя Бука засопел сердито и опять выставил ладошку перед собой. Жутенька мог бы не послушаться, он уже был совсем большим и не боялся каких-то там домовых дядей Бук, но… ещё он был очень воспитанным и старших слушался. Поэтому тяжело вздохнул… и отдал.

Эх, и влетело ему тогда от мамы! Гришка, понятно, расстроился из-за дырки на пяточке. И Жутенька расстроился тоже. Потому что пришлось вернуть такие вкусные гетры (зачем вот Гришка сказал, что больше не будет играть в «фут-бол», если всё равно стал?!); потому что сердился на

дядю Буку, (тот, по Жутенькиному мнению, мог бы и не обращать внимания на всякие там требования, нет носков и всё на этом!)… и потому что чувствовал свою вину. А тут ещё мама давай стыдить и ругаться:

– Как ты мог взять новенькие гетры?! Сколько мы с папой тебе говорили, что хороший носкоед всегда ждёт, когда носочки дозреют? От новых носков живот заболит! Я тебе не говорила разве? И если раньше времени нажевать дырочек, у твоего человека может беда случиться! Ты же не хочешь, чтобы у Гришки случилась беда?

– Не хочу, – буркнул Жутенька и даже для наглядности мотнул головой. – Я просто думал: они ему больше не нужны, а он…

– А ты за него не думай! – гневно отрезала мама. – Ты, Жутенька, за себя думай! Ты не должен был кусать эти гетры, тебе следовало заботиться о том, чтобы они всегда чистенькими лежали на месте, пока сами не дозреют. А теперь Гришка твой на тренировку опоздает, и ещё над ним ребята смеяться станут, потому что гетры у него будут штопанные. А знаешь, что бывает, когда над твоим человеком смеются из-за штопанных носков? Знаешь?

– Он перестаёт размножаться, – весомо сообщил папа, с головой закопавшийся в куче носков из нижнего ящика комода.

– Вот именно! – утвердила приговор мама. – В дырявых и штопанных носках человеки не размножаются! И вообще

чахнуть начинают! И…

– И носков у них становятся всё меньше и меньше, – задумчиво нараспев пробормотал папа, скептически рассматривая короткую спортивную пару неспелого белого цвета.

– Да! И однажды ты просто-напросто начнёшь голодать! Не говоря уж о том, что сам никогда не размножишься!

Жутенька взволнованно зацокал коготками. Нет, про Гришкино размножение он, как всегда, всё пропустил мимо ушек, а уж про своё и подавно думать не собирался (фу, какая гадость!). И голодать ему пока не приходилось, поэтому испугаться как следует на сей счёт тоже не получилось. Но… он совсем не желал, чтобы над его Гришкой кто-то смеялся! Вот сейчас заберётся в сумку и тоже пойдёт на эту Гришкину «тре-ни-ро-вку». И у всех «ребят» погрызёт гетры, чтобы им совсем не смешно было!..

Увы, мама, конечно, никуда его не пустила. Пришлось ждать Гришку дома и переживать, сильно ли над ним смеются вредные «ребята».

В общем, с тех пор Жутенька хорошо выучил урок: «Новые носки не есть! Даже если Гришка делает вид, будто не собирается больше их дозревать… Не есть и всё тут. Даже пяточки не жевать!.. А то потом стыдно и горько. И за Гришку боязно».

На футбол Гришка ходил ещё целых пять лет, и Жутенька так наелся гетрами, что как-то даже угостил одной (по

правде сказать, слегка перезревшей) парой приехавшего на Рождество деда Ужастя. Дед Ужасть надкусывал осторожно, долго и тщательно жевал, задумчиво прикрыв красные глазки… но потом одобрительно закряхтел и расплылся в зубастенькой улыбке:

– А неплохо, внучек! Если твой Гришка и дальше футболить станет, будешь ты у нас как сыр в масле… А там, глядишь, иной раз и деду гостинцы перепадут, да?

Жутенька засмущался, в глубине души гордый за своего Гришку и за себя, и кивнул.

Только вот футболить Гришка в конце концов забросил… Потому что решил однажды, будто хочет стать врачом («Врач – это тот, кто сломанных человеков чинит!» – деловито пояснил Жутеньке дядя Бука, сосредоточенно подкручивая что-то в электрическом чайнике), и принялся готовиться к поступлению в «у-ни-вер-си-тет», напрочь забыв все прежние свои увлечения. Жутенька немного погрустил по гетрам, но потом папа сказал:

– Пусть лучше в университет поступит, там тебе хоть портянки грызть не придётся.

– В армии портянок давно нет, не выдумывай, – отмахнулась мама.

– Портянок, может, и нет, – рассудительно пропыхтел дядя Бука, выуживая из-под Гришкиного письменного стола конфетный фантик, – но место всё равно гиблое. Размножаться там человек отчего-то ну никак не хочет. Вот сколько

у нас соседских отпрысков в армиях бывали, а? Ни один там не размножился! А в университетах – запросто!..

– Это да! – довольный поддержкой домового согласился папа.

А Жутенька сидел тихонько в уголочке и размышлял: что же такое эти таинственные портянки, превратившие какую-то армию в «гиблое место», где ни один соседский отпрыск размножиться не смог?.. Нет, им с Гришкой в гиблые места нельзя! Хоть Жутенька всё ещё и не думал о Гришкином размножении, но… на всякий случай они лучше в «у-ни-вер-си-тет» поедут!

Глава 2

В университет Жутенька с Гришкой собирались тщательно, ехать-то предстояло на поезде! В другой город! Целые сутки!

Жутенька загодя отобрал несколько пар почти дозревших носков и несколько пар совсем новеньких, старательно проложил одни другими, чтобы Гришка не забыл ни то, ни это; потом повытаскивал из тайничков носки совсем созревшие (не хотелось голодать в дороге), сгрёб в кучку и спрятался с ними на антресолях, сторожа носочную погрузку и стараясь не пропустить момент, когда можно будет запихнуть свой «завтрак путешественника» в какой-нибудь кармашек сумки, куда до выхода из дома уже никто не полезет. А вокруг тем временем зарождался настоящий торнадо (Жутенька как-то видел торнадо по телевизору, и они с Гришкой тогда очень радовались, что бывает такое только очень далеко).

Гришкина мама засунула в сумку тёплые свитера; Гришка подменил их на совсем не тёплые худи и футболки. Жутенькина мама втиснула на самое дно три пары шерстяных носков и средство от моли; Жутенькин папа вытащил их и впихнул подальше три коротких спортивных пары. Дядя Бука старательно рассортировал по кармашкам кипятильник, спички, нитки с иголкой, отвёртку, молоток и небольшой топорик для мяса. Гришкин папа долго задумчиво крутил то-

порик, потом спрятал его на антресоли, едва не задев Жутеньку, а на освободившееся место сунул яркую коробочку в шуршащей обёртке. Гришка, выискивая местечко для своей карманной консольки, обнаружил коробочку, почему-то покраснел и переложил её в самый дальний уголок сумки. Жутенькин папа, подсматривавший за этим из шкафа, нырнул в сумку, едва Гришка вышел из комнаты, и, вытащив коробочку, неприязненно затолкал её ногой под диван…

Жутенька очень заинтересовался коробочкой и, когда всё наконец было собрано и пузатая сумка выставлена в коридор, он, спрятав в неё свой дорожный провиант, достал коробочку и прошмыгнул в вентиляцию к дяде Буке.

– Чего надо? – мрачно спросил дядя Бука (он всегда был чем-то недоволен, но сегодня почему-то особенно).

– Хотел спросить, – неуверенно промямлил Жутенька и показал коробочку: – Это что?

– Где взял? – тут же подозрительно прищурился дядя Бука.

Жутенька немного помялся, а потом рассказал историю передвижений коробочки в пространстве.

– Ясно-понятно, – проворчал дядя Бука и вздохнул: – Это анти-носки.

– Анти-носки? – удивился Жутенька. – Это как?

– А вот так! Они не парные, они по одному. И не дышат совсем. И… в общем они не для размножения человеков, а… наоборот. Если человека надо размножить, с анти-нос-

ками придётся поступать совсем иначе, чем с носками, понимаешь? – Жутенька отрицательно помотал головой, и дядя Бука опять вздохнул. – Ну… надо, чтобы у человека их не было. А если были, то чтобы обязательно дырявые. Ясно? Иди давай. Дел невпроворот. Башмаки ещё Гришке чистить…

Жутенька так ничего и не понял, но принял за лучшее согласно кивнуть и слинять… А потом подумал-подумал и, когда все улеглись спать, потихоньку пробрался к сумке да и воткнул коробочку с анти-носками туда, откуда её вытащил папа. Он после решит, пора ли уже Гришке размножаться, а пока… Пусть эти анти-носки побудут при них. Погрызть или перепрятать всегда успеется!

Утром началась страшная суматоха! А суматохи Жутенька не любил, поэтому схлопнулся в совсем крохотного носкоеда и торопливо полез в сумку. Правда папа поймал его за хвост, дёрнул обратно и… крепко-крепко обнял.

– Мы с мамой будем скучать, – неловко пробухтел он. – Но ты не переживай! Ты главное помни: твоя основная задача сейчас сделать всё, чтобы Гришка наш размножился поскорее!

Жутенька судорожно сглотнул (вдруг очень захотелось загрустить… даже, может быть, сильно опечалиться) и покосился из-за краешка сумки на обнимающего Гришку Гришкиного папу.

– Смотри мне там… – с деланной суровостью бормотал тот. – Учись, а не о девчонках думай! Нам пока маленькие Гришки не нужны, имеющегося только-только вырастили!..

Гришка опять покраснел и высвободился из отцовских объятий, чтобы угодить в мамины. И Жутеньку тоже уже обнимала мама, быстро-быстро шепча на ухо последние наставления…

Жутенька еле успел вывернуться из цепких маминых коготков и вскарабкаться по сумке в ближайший кармашек, когда за ними приехало такси.

– Может быть, всё же… – начала Гришкина мама, но Гришка уже чмокнул её в щёку и подхватил сумку на плечо.

– Сяду в поезд, позвоню, – отбрехался он… и с этого момента началась их с Жутенькой новая, совсем взрослая жизнь!

Глава 3

Поездка прошла без эксцессов. У Гришки полка была верхняя, а у Жутеньки – ещё более верхняя, чему он очень радовался, потому что мог высунуться из сумки и наблюдать за всем вокруг и даже смотреть в окно. Целиком Жутенька наружу не выбирался, только технично переползал из одного конца сумки в другой, когда Гришка лез за зубной щёткой или чашкой под чай. Это даже немножко веселило, будто они с Гришкой в прятки играли.

А ночью под покачивание вагона и перестук колёс Жутенька и вовсе очень крепко заснул. Так крепко, что едва не пропустил тот момент, когда поезд остановился на их станции, и Гришка, до безобразия бодрый, сдёрнул сумку вниз и потащил её на выход.

Потом они ходили по большому вокзалу, полному спешащих куда-то человеков, носкоедов и даже порой домовых. И снова ехали на такси, добрались, наконец, до большого здания, почти такого же, как их собственный дом, долго ждали какого-то «ко-мен-дан-та»… И только несколько часов спустя оказались в квадратной комнате, где не было ничего, кроме пары кроватей, одного шкафа, одного холодильника, одного стола и двух табуреток.

– Неплохо! – жизнерадостно возвестил Гришка, закончив осматриваться и сгрузив Жутеньку вместе с сумкой на кро-

вать.

– Опаньки! Привет, сосед! – раздалось со стороны двери, и Гришка с Жутенькой дружно уставились на невысокого, коренастенького человека, совсем не похожего на Гришку, но… кажется, его ровесника. – Я Раф, можно Рафик, только Рафаэлем не зови, терпеть не могу! А ты?

На плече у Рафика тоже висела пузатая сумка… А из сумки отчётливо торчали уши носкоеда.

– Григорий. Можно Гришка. Только Гришаней не зови, терпеть не могу, – Гришка протянул новому соседу руку, и тот крепко её сжал.

– Попробуем ужиться?

– Попробуем, – согласился Гришка. – Ты тоже на педиатрию?..

Человеки болтали о чём-то своём, а Жутенька не спускал глаз с торчащих из сумки ушек.

Когда сумка переместилась на соседнюю кровать, рядом с ушками появились коготки, а потом выглянула шкодливая мордочка. Это определённо был носкоед. Примерно такого же возраста, как Жутенька, но чем-то неуловимо от него отличавшийся. Он был… покруглее, что ли… И, похоже, посмелее. Потому что не успел Жутенька опомниться, как новый носкоед выскочил из сумки и шустро прошмыгнул к батарее, по батарее к подоконнику, по подоконнику к спинке Гришкиной кровати… И вот он уже вскарабкался к Жутеньке и деловито протянул ему когтистую лапку:

– Шайтанчик. А ты? – Он будто копировал Рафика, и Жутенька на миг даже застыл, подумав вдруг, что, возможно, они с Гришкой тоже немножечко похожи…

– А я… Я Жутенька, – наконец пробормотал он, когда Шайтанчик нетерпеливо пихнул его кулаком в бок.

– Прикольное имя! – возвестил Шайтанчик и, сам схватив его за лапку, зачем-то её потряс. – Ты какие носки любишь? Я серые… ну, в смысле, те, которые были белыми, а потом…

– Я понял, – кивнул Жутенька и пожал плечами. – Я всякие люблю. Мне и гетры очень нравились и…

– Ух ты! Гетры?!

В общем, с Шайтанчиком они, можно сказать, подружились. Тот оказался очень шустрым и весёлым носкоедом, умевшим невероятно быстро дозревать любые носки… Хотя Жутенька и сомневался в правильности такого подхода.

Например, когда Рафик, очень любивший долго и тщательно покрывать своими носками пол под кроватью, наконец-то добирался до стирки и, сложив собранные залежи в тазик, заливал всё это водой со словами: «Сперва надо замочить, чтоб грязь отмокла!», после чего ставил тазик обратно под кровать минимум на пару суток… Шайтанчик тут же вытаскивал из шкафа новую пару (если таковая имелась) и шустренько замешивал её в общем котле. Чаще всего где-то на второй день дозревающие в тазике носки начинал унюхивать Гришка и принимался на Рафика ругаться. Тогда Рафик

вытаскивал всю почти готовую к употреблению кучку из воды… отжимал и вешал на батарею. Запах в комнате стоял такой, будто Шайтанчик готовился к приезду в гости всей своей родни разом! И тогда Гришка ругался с Рафиком по-настоящему, грозился всё выкинуть… И Жутенька очень пугался, что Шайтанчик останется без запасов. А Рафик… Рафик может так вообще никогда не размножиться.

Впрочем, без запасов Шайтанчик не остался ни разу. После Гришкиных отповедей Рафик всё-таки брался за нормальную стирку, и вскоре в его ящике в шкафу лежал десяток парных носков и два-три одиночных (дозревшие Шайтанчик успевал ополовинить), вроде бы и чистые, но после всего пережитого вот-вот готовые стать изысканным деликатесом.

На вкусные запахи к ним в комнату начали наведываться носкоеды-соседи. Шайтанчик любил гостей и привечал всех. Жутенька же был скромным и стеснительным носкоедиком, поэтому часто отсиживался в Гришкином ящике с носками и на призыв Шайтанчика присоединиться к общему веселью отвечал, что занят, мол, сильно, нужно всё перебрать и посчитать. Шайтанчик не настаивал. Он хоть и отличался повышенным дружелюбием, но навязчивостью не страдал, и Жутеньке эта черта очень в нём нравилась.

Впрочем, гостей приводил не только Шайтанчик, но и его человек.

Однажды, когда Гришка ушёл в университет, Рафик привёл к ним… девушку.

Жутенька долго подсматривал через щёлочку между дверьми шкафа, а потом не выдержал и, прошмыгнув под Гришкину кровать, присел рядом с Шайтанчиком, деловито грызущим одинокий носок.

– А… чего это они делают? – шёпотом спросил он.

Шайтанчик равнодушно глянул на кровать, где под одеялом нелепо возились Рафик и девушка, и пожал плечами:

– Чпокаются.

– Что? – не понял Жутенька.

Шайтанчик вздохнул и закатил глаза:

– Размножаются!

Жутенька перепуганно пискнул и зажал лапками рот, в ужасе таращась то на Шайтанчика, то на соседнюю, энергично поскрипывающую, кровать.

– А как же?.. А куда же? – в голове роилось столько вопросов, что он совершенно не знал, который из них важнее.

Он помнил, что со звуком «Чпок!» на свет появлялись новые маленькие носкоедики, если носкоед-папа и носкоедочка-мама решали, что им тоже можно размножиться. И сейчас очень ярко представил, как в их откровенно небольшой комнатке – «Чпок!», «Чпок!», «Чпок!» – появятся разом несколько новеньких Рафиков.

– Да не боись ты, – флегматично пробурчал Шайтанчик. – Всё равно ничего у них не получится.

– П-почему?

Шайтанчик довольно ухмыльнулся и гордо приосанился.

– У Рафика всегда новенькие анти-носки! Я слежу! Вчера только выменял один на переспевший следок. У Шугалки из восьмой комнаты.

Жутенька поражённо заморгал.

– Но… з-зачем?

Папа с мамой вечно твердили, что главная его задача – размножить Гришку! А Шайтанчик, значит, наоборот мешал Рафикову размножению?

– А зачем нам много Рафиков? – не меньше него удивился Шайтанчик и даже носок в сторону отложил. – У нас тут места мало. И работы прибавится. Представляешь, сколько ящиков с носками придётся окучивать?! Не-не. Не надо нам пока! Вот надоест Рафику этот университет, поедем обратно домой, там и размножится! У меня там семья, знаешь, какая большая! Помогут! И место для новеньких Рафиков есть… Тем более, что они сперва маленькими будут.

Жутенька обдумал услышанное и вынужден был признать, что ему рассуждения Шайтанчика кажутся… правильными. Ему самому тоже почему-то не очень хотелось, чтобы Гришка размножился прямо здесь. Вот вернутся они домой…

Однако Гришка размножаться даже не пробовал… или пробовал, но где-то в другом месте, и всё равно у него ничего не получалось. А вот Рафик… То ли университет ему надоел

гораздо быстрее, чем предполагал Шайтанчик, то ли стараний Шайтанчика и волшебной силы анти-носков не хватило, но Рафик всё же размножился до срока, уже через год. Новеньких Рафиков Жутенька не видел, но перед тем, как обняться на прощание и прыгнуть в сумку, Шайтанчик рассказал, что место дома для маленьких человеков уже приготовлено… И сам Шайтанчик тоже подумывает «чпокнуться». У будущей мамы новых Рафиков якобы очень симпатичная носкоедочка Пугаша, и, кажется, Шайтанчик ей тоже очень нравится…

В общем, остались Жутенька с Гришкой одни в комнате. И не то чтоб Жутеньке было скучно, но иногда… Иногда Шайтанчика все же не хватало.

Глава 4

На каникулы Гришка с Жутенькой ездили домой. И вскоре эти поездки стали для Жутеньки сущим испытанием, потому как папа, мама и дядя Бука, хоть и не говорили ничего такого вслух, но, кажется, были немного разочарованы… ведь годы шли, а Гришка не размножался и не размножался.

В конце концов, когда с университетом Гришка разделался, Жутенька очень обрадовался тому, что домой они не вернулись. Пусть за подобные мысли ему и было капельку стыдно.

Теперь Гришка стал ходить не в университет, а на «ра-боту». В «боль-ни-цу». Иногда он ходил туда только днём, и тогда Жутенька оставался один в небольшой квартирке, куда они переехали, как только Гришка ушёл из своего университета. Иногда на то, чтобы работать работу, дня заведомо не хватало. Тогда случались «су-точ-ны-е де-жур-ства», а Гришка ещё утром собирал в сумку кое-какие вещи… и – сам того не ведая – Жутеньку. Потому что оставаться одному на целые сутки совсем уж тоскливо. Жутенька и не оставался.

На Гришкиной работе ему нравилось. Там почти совсем не было других носкоедов, вечно начинавших задавать вопросы, размножился ли уже его Гришка, почему не размножился, и когда Жутенька планирует его всё-таки размно-

жить? Нет, на работу в основном приходили только человеки. Ну, одни приходили и уходили, как Гришка, а другие – всегда маленькие и поломанные – там жили… и только когда чинились, куда-то переезжали. А ещё порой случались третьи. Полупрозрачные. Они Жутеньке не очень нравились, потому что чаще всего казались напуганными, и их хотелось пожалеть, но как – Жутенька не знал. И хуже всего, что при появлении такого полупрозрачного человечка каждый раз очень расстраивался Гришка, ведь полупрозрачные «вылуплялись» из нормальных человечков. И нормальные тогда становились совсем неподвижными. И Гришка грустил. Жутенька даже видел однажды, как он плакал. А плаксой Гришка не был… В общем, хорошо, что полупрозрачные появлялись нечасто и быстро исчезали с Гришкиной работы. Без них лучше.

Пока большие, приходящие на Гришкину работу, человеки дружно топтались во всех коридорах и комнатах, Жутенька предпочитал сидеть в сумке. Он, конечно, человеков любил, но в таких количествах немножечко побаивался. А вот когда наступал вечер, почти все приходящие уходили, а Гришка и ещё пара оставшихся человеков неспешно писали какие-то бумаги, пили чай, а порой и вовсе ложились подремать, и становилось тихо, Жутенька выбирался наружу и… шёл гулять по подведомственным Гришке территориям.

Ему нравилось делаться натурального (с Гришку) размера и деловито шастать по широким коридорам с приглушенным

ночным освещением, заглядывать в комнаты, которые звались палатами, смотреть на спящих маленьких человеков и даже иногда аккуратно складывать в тапочки их яркие цветные носки.

Именно там, на Гришкиной работе, в палатах с маленькими человеками, Жутенька вдруг впервые понял, что, наверное, действительно хотел бы, чтобы… Гришка размножился.

Увы, Гришка упрямо не размножался. Даже несмотря на то, что Жутенька как-то нашёл у него в сумке анти-носки… и после долгих терзаний решился и знатно их изгрыз. А потом долго плевался, потому что совсем эти анти-носки на нормальные носки похожи не были. Фу, гадость!

И всё равно не помогло.

Жутеньке было так стыдно перед семьёй! Причём перед всей! Ведь если раньше Гришкин папа сам подкладывал Гришке в сумку анти-носки, то теперь, когда они приезжали в отпуск к родителям, Гришкин папа и Гришкина мама, и даже Гришкин дед Митя нет-нет да и спрашивали своего отпрыска:

– Ты жениться-то собираешься? Пора бы и о детях подумать.

А Гришка вечно отшучивался:

– Так я о них постоянно думаю. И днём и ночью. У меня целое отделение думок.

Но Гришкины папа, мама и дед Митя не смеялись, и Жу-

тенька, чувствуя свою вину перед ними, отчаянно втягивал голову в плечи.

– Может, ты что-то не так делаешь? – вопрошал на семейном совете Жутенькин папа. – Может, носки успевают перезревать? Нужно все дозревшие либо съедать сразу, либо грызть так, чтобы он обязательно новые брал!

– Да знаю я, – виновато бубнил себе под нос Жутенька. – У него всегда новые. Я даже чуть-чуть созревшие грызу сильно. Правда!

– Это всё синтетька! – выдал дед Ужасть. – Они выглядят как новые, а пахнут как перезревшие! Говорю я: заговор это! Не выгодно правительству-то, чтобы Гришки наши размножались, вот и пихають синтетьку ету везде. Тьфу!

– Да причём здесь синтетика, папа? – Жутенькина мама мягко скалила острые зубки в очень доброй улыбке. – И в наше время синтетика была, даже ещё больше! Но Гришка же как-то появился!

– А потому что не только носки для размножения человеков важны! – весомо заметил дядя Бука. – Я вам говорил, а вы не верили! У-ю-ут ещё нужон! Чтобы новый человек вывелся, в доме нужон уют.

– А ты у него анти-носков не находил? – шёпотом, чтобы не перебивать дядю Буку, спросил Жутенькин папа.

– Погрыз, – тихо шелестнул совсем раздавленный этим разговором Жутенька.

Он не знал, как сделать уют. И как справиться с синтети-

ческим правительственным заговором. И вообще чувствовал себя совершенно бесполезным. И несчастным.

– Так я и булькну, не дожив до того радостного дня, когда Гришка твой размножится, – уныло проворчал дед Ужасть.

С тихим звуком «Бульк!» носкоеды исчезали, когда их человеки делились на две части: неподвижную и полупрозрачную. Жутенька даже помнил, как много-много лет назад булькнула бабушка Боязя. Их с Гришкой мамы тогда очень плакали, а папы и дедушки долго молчали.

– Не надо булькать, – сам уже чуть не плача, попросил Жутенька.

Дед Ужасть ехидно прищурил красные глазки.

– Испужался? То-то же! Тогда чпокайтесь уже с Гришкой! И пошустрее!

– Папа! – в один голос возмутились Жутенькины папа и мама, а дядя Бука заухмылялся в бороду, а потом сказал:

– Значица, вот, что я порешил. Племянницу мою возьмёте к себе. Бяку. Хватит вам без домовых-то жить. Бяка наведёт уют, а там… Там, глядишь, и первый «Чпок!» наконец сделается…

Так в их с Гришкой доме завелась своя собственная домовуша Бяка.

Бяка была смешливая и шустрая, а ещё очень хозяйственная и заботливая. Жутеньке она нравилась. Только он всегда смущался, когда Бяка, наведя уют в доме, начинала приставать к самому Жутеньке и наводить уют уже на нём, норовя

то на ушках кисточки нахохлить, то на хвостике косичек наплести. Впрочем, она и Гришку без забот не оставляла, иногда целыми ночами напролёт расчёсывая его, срезая щетинки с подбородка и скул и начищая до блеска серёжку-гвоздик в Гришкином ухе. А Жутенька любовался. Теперь у них и дома стало совсем хорошо, и они с Гришкой сами ужасненько похорошели.

Только вот на Гришкином размножении это никак не отразилось.

Но как-то раз…

Глава 5

– Добрый день. Вы Григорий Викторович?

– Да, здравствуйте. А вы?..

– Лиза… Елизавета. Мне сказали, документы Тошкины вам занести…

Жутенька выглянул из сумки, чтобы посмотреть, кто это там так припозднился. Уже все приходящие на Гришкину работу человеки давно ушли, а сам Гришка попил чай с двумя человечками Валентиной Карповной и Светочкой, оставшимися, как и он, до утра, прошёлся по палатам (он всегда так делал, когда маленькие человеки, которые тут жили, собирались ложиться спать) и сел что-то писать. Жутенька вообще-то ждал, когда Гришка закончит писать и, выключив свет, ляжет прикорнуть на кушетке. Очень хотелось пойти наконец погулять по коридорам и палатам, носки у маленьких человеков в тапочки разложить, может быть, одеяла поправить… А тут нате вам! Лиза-Елизавета!

Елизавета стояла в дверях и нервно сжимала в тонких пальцах толстую папку. Жутенька знал: в папке лежали «доку-мен-ты». Такие же, как вечерами писал Гришка. Вот же! Эдак он ещё дольше писать теперь будет!

– Тошка – это, наверное, наш новенький? Антон Смирнов?

– Да, он. Я тут все выписки привезла…

– Да вы зайдите, Елизавета. Чай будете?

– Чай? Да… если можно, не откажусь. На улице холодно, а транспорт уже ходит плохо. Я так боялась, что меня не пустят…

Она вошла, поозиралась, ища, куда положить папку и сумочку, пристроила их на стоящем у двери стуле и начала расстёгивать плащ.

– А Тошка… Он уже спит? Мне к нему нельзя?

– Спит, – улыбнулся Гришка, торопливо наливая в чайник воды и щёлкая кнопочкой включения. – Только недавно к нему заходил. А вы ему, простите за прямой вопрос, кто? Мне сказали, что малыш – детдомовский сирота…

– Я… – Елизавета расправилась наконец с пуговицами и, сняв плащ, повесила его на спинку стула, уже нагруженного сумочкой и папкой. – Я… никто. Пока. Если все пройдёт хорошо…

– Все обязательно пройдёт хорошо! – быстро встрял Гришка. – Без «если».

– Да, спасибо, – она благодарно и немного грустно улыбнулась. – После операции я собираюсь оформить документы на опеку. Сейчас не до того было…

– Понял, – Гришка подвинул к столу свободный стул. – Прошу. А я подумал, что вы ему сестра. Или тётя.

– Нет. Нет, я просто… Я, Григорий Викторович, детский психолог.

– Можно просто Григорий? Неловко себя чувствую.

– Хорошо…

– Вы детский психолог. И?..

– Я собирала материал для кандидатской на базе Тошкиного детского дома. Так и познакомилась с ним, – у неё вдруг дрогнули губы. – Малышу всего четыре, он мечтает играть в футбол и научиться кататься на двухколёсном велосипеде. Но уже знает, что ему нельзя. Потому что сердечко с пороком… На такое просто невозможно смотреть равнодушно.

– Невозможно, – согласился Гришка и отвернулся, чтобы налить Елизавете чай. – Только всё это уже практически позади. Сейчас мы проведём окончательное обследование и через три недели сделаем операцию. У нас очень опытные хирурги. Всё будет хорошо. И на велосипеде научится, и в футбол поиграет. Вы не волнуйтесь так.

– Спасибо, – вновь поблагодарила Елизавета, вытерла непослушные слёзы и опять улыбнулась… на сей раз почему-то виновато. – Простите меня, Григорий. Совсем расклеилась. Пока выбивала квоту, готова была горы свернуть, а сейчас, когда от меня уже ничего не зависит… Мне так страшно!

– Ну вот ещё! Нечего тут бояться! Возьмите печенье. Оно специальное, противоплаксивое. У нас здесь только такое можно. Я им обязательно делюсь с пациентами, когда тем хочется поплакать. Помогает!.. Верите?

– Конечно, – она покорно взяла печенье. – А… у вас здесь хорошо. Уютно.

– Всем коллективом стараемся, – кивнул Гришка. – Здесь иначе нельзя…

Они ещё о чём-то разговаривали, но Жутенька уже не слушал, его внимание привлекла сумочка Елизаветы. Потому что зашевелилась.

Он несколько секунд удивлённо наблюдал, как наружу выбралась когтистая лапка, потом вторая. И ушки (сразу оба). И два красных глазика… Жутенька даже забыл, что в комнате Гришка и Елизавета! Прямо у него на глазах из небольшой сумочки появлялась ужасно хорошенькая… носкоедочка!

На миг оторвавшись от наблюдений за ней, он быстренько глянул на Елизаветины ступни в одноразовых тапочках. Беленькие, чистенькие, с нежно-розовым горошком носочки заставили его восторженно пискнуть… И носкоедочка тут же замерла, уставившись на него.

Он робко помахал ей лапкой. Она отмерла, огляделась, нашла дверь и, вновь обернувшись к Жутеньке, решительно ткнула в найденное длинным, суставчатым пальчиком с острым коготком. А потом беззвучно спрыгнула со стула и быстро прошмыгнула к двери.

Делать было нечего, пришлось тоже выбираться из Гришкиной сумки и мелкими перебежками догонять новую пока-ещё-незнакомую.

– Ты кто? – коготок упёрся ему в грудь, едва он выскользнул в коридор.

– Я… Я? – он так растерялся и занервничал, что, кажется,

забыл все слова.

– Да, ты. Ты кто? Я Страшуля. А ты?

– Жутенька, – пискнул Жутенька. – Я здесь с Гришкой.

– С Григорием? – понимающе переспросила Страшуля и, когда Жутенька сглотнул и кивнул, уцепила его за лапку. – Значит, местный. Значит, всё здесь знаешь. Показывай, где наш Тошка!

Жутенька опять сглотнул. И опять кивнул. А потом развернулся и уверенно зашагал в самый дальний конец коридора, к пятой палате. Туда, как он слышал, нынче заселили новенького человека Антона Смирнова. Жутеньке самому было интересно на него взглянуть, потому что все «приходящие» сегодня так или иначе вспоминали о новеньком. И теперь вон Елизавета появилась тоже из-за него. И… Страшу-у-уля. Да. Жутеньке очень хотелось на него посмотреть!

Тошка был маленьким. Совсем маленьким. И худеньким. И очень бледным. Он спал, свернувшись калачиком, и, казалось, светился изнутри. Страшуля, сделавшись вслед за Жутенькой настоящего размера, подошла к кровати и осторожно поправила одеяло, укрыв хрупкие острые плечики Тошки.

– Он твой человек? – шёпотом спросил Жутенька.

– И он тоже! – с вызовом обернулась Страшуля. – А что? У него пока нет своего собственного носкоеда.

Жутенька затряс головой.

– Н-нет, ничего. П-просто… Лучше же, когда есть свой

собственный.

Страшуля отмахнулась:

– Успеется. У нас сейчас другие дела. Нам надо о-пе-ра-ци-ю сделать.

– Ясно, – Жутеньке ничего не было ясно, но он стеснялся расспрашивать Страшулю. Вдруг ещё покажется ей глупым. Или чересчур приставучим… А хотелось показаться умным и…

Шёпот Гришки и Елизаветы в коридоре заставил Жутеньку испуганно схлопнуться и шмыгнуть за ножку кровати. Страшуля, слегка растерявшаяся сперва, быстро сообразила и последовала за ним.

– …У нас, в принципе, всё есть, нас неплохо обеспечивают, – тихо рассказывал Гришка, приоткрывая дверь палаты. – Одежду, в которой его привезли, мы выдали обратно, в нашу пижамку переодели. А вот бельё и носочки, если привезёте ему, будет здорово. Носки лучше потеплее. У малышей вроде Тошки ножки часто мёрзнут.

– Хорошо, поняла. Я утром всё привезу, – Елизавета подошла к кровати и совсем как Страшуля пару минут назад поправила на Тошке одеяло. – А вы… Григорий, вы завтра во сколько сменитесь?

– Я вас дождусь, Лиза. Проведу к Тошке, а потом… Если у вас будет время и желание, может быть, выпьем кофе? Тут недалеко есть очень уютная кофейня…

Цепкие пальчики Страшули опять сцапали Жутеньку за

лапку и потащили прочь из Тошкиной палаты. И уже у самого выхода они услышали Елизаветино:

– У меня будут и время, и желание.

Глава 6

Так в жизни Гришки и Жутеньки появились Елизавета и Страшуля. И ещё Тошка.

Со Страшулей и Лизой они встречались через день, а порой и ежедневно. Жутенька теперь старался сопровождать Гришку везде, куда бы тот ни шёл, тем более что ходил он только на работу… и на встречи с Лизой. У Страшули со встречами проблем не возникало, она отлично приспособилась кататься в сумке, которая – Жутенька был уверен! – внутри являлась гораздо объёмнее, чем снаружи. А вот ему… ему приходилось привлекать на помощь всю свою фантазию и Бякину домовушечью изобретательность. То они в Гришкиной куртке карманы продырявят, чтобы тому пришлось брать на свидание хотя бы небольшой рюкзак (надо же куда-то сложить ключи и телефон); то, наоборот, ушьют настолько, что в них – в карманах – ничего не помещается… Так или иначе, но на свидания с Лизой и Страшулей Жутеньке чаще всего попадать удавалось. И однажды Жутенька внезапно понял: никогда ещё в их с Гришкой жизни они не были так счастливы!

– Ты растолстеешь, – хихикала Бяка, когда Гришка, собираясь на очередное свидание, вновь распечатывал новую пару носков.

Жутенька довольно скалил зубки и показывал Бяке язык.

Их с Гришкой счастье омрачала лишь приближающаяся Тошкина операция. Жутенька не особо разбирался в починке человеков, но, кажется, с операцией этой не всё было так просто. Кажется… Тошка мог во время неё раздвоиться на неподвижного и полупрозрачного Тошек. И Лиза с Гришкой хоть и старались не говорить о такой возможности (во всяком случае друг с другом), но всё равно очень переживали. И Страшуля переживала. И вскоре Жутенька понял, что он тоже.

В ночь перед Тошкиной операцией Гришка взял суточное дежурство. Лиза со Страшулей вечером к ним не пришли. Жутенька слышал: Гришка говорил с Лизой по телефону и попросил не приезжать, потому что она плакала даже в трубку, а здесь, в больнице, плакать вообще нельзя. Примета плохая.

Поэтому Гришка сам очень долго сидел в Тошкиной палате. Наверное, рассказывал маленькому человечку добрые сказки на ночь. Жутенька им не мешал. Он отправился по другим палатам и привычно уже поскладывал разбросанные на полу носочки в тапочки, позаглядывал с любопытством в детские лица, попытался угадать парочку снов, как это умела делать Бяка, но, конечно, не преуспел… А едва он вернулся в дальний конец коридора и только-только спрятался за стойку с цветами, Гришка потихоньку выскользнул из Тошкиной палаты и зашагал в комнатку, где проводил ночи во

время дежурств.

Жутенька дождался, когда он скроется из виду, и когда станут неслышны его шаги, и когда вдалеке тихонечко скрипнет дверь… А потом сделался большим, с Гришку, и заглянул в Тошкину палату.

Тошку он видел лишь ночами, поэтому, конечно, всегда спящим. Как, впрочем, и остальных маленьких поломанных человеков. Вот и сейчас Тошка спал. И казался совсем крохотным. Неужели они с Гришкой тоже когда-то были такими маленькими?

Жутенька осторожно подобрался к кровати. Долго смотрел на тихо посапывающего Тошку, потом проверил его носочки. Здесь они не валялись скомканными по всему полу, подобно носкам в других палатах, а аккуратно лежали на стуле рядом с кроватью и были почти совсем новенькими и чистенькими. Жутенька грустно вздохнул, но сам себе напомнил: Гришка обещал, что после операции Тошка и на велосипеде научится ездить, и в футбол играть. У него ещё будут очень быстро, как у Гришки в детстве, дозревать носочки… и, возможно, даже гетры!

Он оставил всё на том же месте, не удержался и осторожно поворошил коготками мягкие и светлые Тошкины вихры (Бяка говорила, что расчёсывать и заплетать человекины волосы очень приятно. Не наврала!), а потом развернулся и пошёл к двери…

– Пливет, – тихий, но совсем не испуганный детский голо-

сок за спиной раздался так неожиданно, что Жутенька чуть не схлопнулся. – Ты дядин Глисин носкоедик?

Жутенька обернулся и удивлённо заморгал красными глазками.

– А… откуда ты знаешь? – наконец спросил он.

– Мне дядя Глися сказку лассказывал, – Тошка смотрел на него с любопытством и неуверенно улыбался. – Пло тебя. И пло домового. Он сказял: носкоеды холосые. Они кусяют только носки. И если носкоед твой носок скусял, знасит, он тебя от бед засисяет. Вместе с носками их съедает. И тогда надо плосто взять новые носки… и всё. Всё будет холосо.

Жутенька сглотнул. Он не знал, что Гришка так в него… верил! Даже в глазах вдруг защипало.

– Ты плисол мои носки скусять? – чуть шире улыбнулся Тошка. – Сьтобы мне завтла не было больно и стласно, да?

– Я… – Жутенька потоптался на месте, посмотрел на сложенные на стуле носочки и… кивнул: – Я их завтра утром съем.

– Холосо, – Тошка радостно шмыгнул курносым носиком. – Спасибо! Ты плавда доблый! Я узе не боюсь опелацию! – Он зевнул и сложил ладошки под щёку (так Гришку в детстве учили делать в садике, а Тошку, наверное, в детском доме). – А есё дядя Глися сказял, сьто после опелации у меня будет свой носкоедик. Будет?

У Жутеньки непроизвольно заюлил хвост. Ему не хотелось врать Тошке. А откуда же тому взять собственного нос-

коедика? Но расстраивать маленького человечка и говорить, что ему наврал «дядя Глися», тоже не хотелось. Поэтому он судорожно соображал, как ответить… А Тошка в это время закрыл глазки и уснул.

Глава 7

Утром приехали Лиза со Страшулей. И через полчаса Тошку забрали на операцию. Лиза переоделась в какую-то специальную одежду, которую ей дал Гришка, и тот увёл её в Тошкину палату ждать окончания операции. Жутенька со Страшулей перебрались туда же по вентиляции, скользнули по батарейной трубе вниз и быстро шмыгнули под кровать.

В палате кое-что изменилось. Рядом с кроватью поставили какие-то новые штуковины, которые негромко шумели. Жутенька уже видел подобное в других палатах у других маленьких человечков после операций.

– Это поможет Тошке не раздвоиться, – шёпотом объяснил он немного напуганной всем происходящим Страшуле. – Он полежит с этими штуками и проснётся.

Страшуля кивнула, делая вид, будто всё понимает. И схватила его за лапку.

– А долго ждать?

– Не знаю, – признался Жутенька, немножечко пьянея от её прикосновений. – Но мы здесь вместе с Лизой ждём. Как закончится, Гришка сразу сообщит.

Кто бы мог подумать, что ожидание способно быть таким чудовищно тяжёлым!

Лиза, вся с ног до головы облачённая во что-то бело-голубое, мерила шагами палату и нервно заламывала пальцы.

Страшуля безотчётно грызла коготки. Жутенька… Жутенька вдруг вспомнил данное Тошке ночью обещание и под самым носом у Лизы стащил со стула так и лежавшие там до сих пор носочки.

– Ты что делаешь?! – в ужасе пискнула Страшуля.

– Фъедаю Тофкины беды, – ответил Жутенька, тщательно вгрызаясь в один носочек и протягивая Страшуле второй.

Она посомневалась пару секунд, но потом забрала предлагаемую «беду» и надкусила.

Когда дверь в палату наконец распахнулась и внутрь ввезли что-то навроде кровати на колёсиках, и с неё очень осторожно переложили на обычную кровать маленького и совсем неподвижного Тошку, у Жутеньки в горле застряли последние ниточки доеденного носка. Не может быть!

Страшуля в ужасе пискнула. Лиза отступила к стене, пропуская к кровати таких же закутанных в бело-голубое человеков, и, закусив губу, судорожно стиснула кулаки.

Человеки быстро и слаженно что-то там делали, а Жутенька со Страшулей боялись пошевелиться.

А потом штуки вокруг кровати зашумели иначе, где-то негромко запикало и слегка загудело, все, кроме Лизы и одного человека, ушли… И тут Жутенька вдруг понял: этот человек – Гришка.

– Все получилось, – мягко сказал Гришка, стоя у кровати. – Иди сюда.

Лиза неуверенно шагнула к нему, а потом остановилась и

принялась оглядываться по сторонам.

– Что ты ищешь? – спросил Гришка.

– Ты говорил: у них мёрзнут ножки. Надо надеть на него носочки. Не знаешь, где?..

Страшуля протянула к Жутеньке лапку и их длинные суставчатые пальчики переплелись.

– Думаю, знаю, – негромко усмехнулся Гришка, тоже взял Лизу за руку и заставил подойти к кровати. – Я потом достану новые. А пока… Ты греешь правую ножку, а я грею левую. Мы с тобой сейчас для него самые лучшие носки, как считаешь?

Лиза тихонько всхлипнула.

В палате стало очень тихо. Только что-то негромко и равномерно гудело и размеренно пикало.

«Пик. Пик. Пик. Пик.»

– Лиза, выходи за меня.

«Пик. Пик. Пик. Пик.»

– Гришка… Ты…

«Пик. Пик. Пик. Пик.»

– Я научу Тошку на велосипеде кататься.

«Пик. Пик. Пик. Пик.»

– Да.

«Пик. Пик. Чпок! Пик. Пик.»

Жутенька и Страшуля поражённо уставились на махонького носкоедика, появившегося прямо в их сцепленных лапках.

– Кошмарик! – прошептала Страшуля.

Жутенька моргнул, перевёл взгляд на неё… и улыбнулся:

– Мне нравится. Пусть будет Кошмарик.